

18+

Олег Паршев

Род-муви

Стихи и фэнтези

Олег Паршев

Роуд-муви. Стихи и фэнтези

<https://litres.ru/74160822>

ISBN 9785007038690

Аннотация

Какой по нраву вам нуар, чтоб лунный свет легко
Проник в ажурный будуар, не растревожив тайны?..
Я брошу в звёздное стекло крупицу ар-деко,
Пролью по краю серебро готического лайма.
И вот рисунок мой готов, судите же меня!
В нём рёв воды и шёпот снов, и буря в парусах.
И рвётся сквозь бетонный мрак майолика огня.
А мы идём — тик-так, тик-так, мы — стрелки на часах.

Содержание

На краю ночной земли (2023)	6
На краю ночной земли	6
Осень-под-гитару. Песенка 1	8
Осень-под-гитару. Песенка 2	9
Осень-под-гитару. Песенка 3	10
Ноябрь	11
Бесконечность	12
Бобин Гуд	14
Вверх — до самых высот	16
Девушка с веером	18
Двойная Звезда	20
Музыка моря	21
А мы идём	22
Разнотравный чай	24
А девушка ждёт моряка	25
Лёд первой воды (2023—2025)	27
Тихо-тихо	27
В календаре весны	29
Сквозь забытые двери	31
Когда-то снова будет день	33
Путешествие из дома домой	35
Христос Воскрес!	36
На скамейке	37

Однажды	38
Лёд первой воды	40
Под саксофон	42
Время выпустит нас из рук	43
Буду ждать тебя на реке	45
Пройтись по февралю	46
Интервью Ульяне Новиковой	48
С бабочкой и копьём (2025)	53
С бабочкой и копьём	53
Листопад	55
Солнце на воде	57
Дождливое танго	58
Всё остальное — дым	59
Это уходит, но никогда не пройдёт	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Роуд-муви Стихи и фэнтези

Олег Паршев

© Олег Паршев, 2026

ISBN 978-5-0070-3869-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На краю ночной земли (2023)

На краю ночной земли

Ты сказала: Всё пройдёт.
Я ответил: Да, быть может.
Ты сказала: Скоро лёд
По зиме мосты проложит.
Я промолвил: Мы пойдём
Вдаль — за пеньем алконоста!
Ты шепнула: Вот мой дом.
Приходи смотреть на звёзды.

Мы стояли у окна.
Крепко за руки держались.
В звёздах плавала луна,
Пламенея, как физалис.
Ты сказала: Помолчим:
День истекший спать уложим.
Этот год неизлечим.
Жаль, он был таким хорошим.

Я воскликнул: Этот год
Не умрёт, а возродится!

Снег сойдёт, истает лёд,
Полетят на север птицы!
Головою не качай.
Свет уймёт ночную выюгу.
За зимой наступит май.
И всё далее — по кругу...

На краю ночной земли —
Между звёзд — луна большая
Шла на цыпочках вдали,
Тишины не нарушая.
Ты спросила: Всё опять
Будет радостно и ново?
Я сказал: Пойдём гулять!
Ведь всего-то полвторого.

Осень-под-гитару. Песенка 1

Улетают и кружатся, выются, выются листья, листья.
Мы идём по этим листьями — я с тобою, ты со мной.
И летит в беспечной выси, в бесконечной тёмной выси,
Перламутром отливая, наш беспечный шар земной.

И летят в лиловом небе, улетают к югу птицы,
Светом облако клубится, что похоже на кита.
Так прозрачно, что светлеют наши души, наши лица,
И на гончем ветре мчится золотая темнота.

И вот-вот наступит время снегопадного томленья,
И уснёт в берлоге ватной наш уютный старый дом.
И средь улиц замелькают фиолетовые тени...
Но пока среди шуршанья, улыбаясь, мы идём.

Осень-под-гитару. Песенка 2

Разлучал нас тёмный ветер, разлучал дождливый вечер,
Разлучали снегопады, звёзды, тучи, облака.
Только мы не разлучались, зажигали снова свечи,
Ну, а если разлучались, то совсем не навсегда.

А к чему нам расставаться? Расставаться ни к чему нам.
Мы идём с тобою рядом, будто пламя и вода.
И пускай на небе лунном бесы кровью пишут руны,
Что, мол, радость не навеки, что, мол, всё не навсегда.

Только что нам снегопады? Что нам ветер, вечер, лужи?
Это всё пройдёт однажды и растает, будто сон.
Если всё на свете плохо, значит, скоро станет лучше.
Есть такой у мироздания замечательный закон!

Осень-под-гитару. Песенка 3

— Расскажи, что будет дальше, что же с нами будет дальше?

Расскажи мне, если знаешь, ничего не утай. —

Мы с тобою станем старше, да, конечно, станем старше,

И пойдём тогда, обнявшись, мы до краешка земли.

Там мы сядем на ступеньки или, может, на скамейку

И ногами поболтаем в бесконечной пустоте.

Без любви весь мир не стоит даже ломаной копейки.

Без любви и мы с тобою были б вовсе бы не те.

— Ну, а дальше, что же дальше? Расскажи мне без утайки.

— Дальше солнышко вернётся, а зима сойдёт на нет.

Мы тогда наденем шорты, сандалеты и гавайки

И пойдём гулять по тропкам самой лучшей из планет.

Ноябрь

Ну и что — что полусонный
И туманный окоём?..
Мы накинём капюшоны
И по осени пойдём!
Прошуршим в округе рыжей
Сквозь багряный рваный дым.
Только слышишь... слышишь, слышишь? —
Кто-то бродит невидим.
Кто-то дальнею тропую
Пробирается во мгле,
Кто-то ищет нас с тобою
В золочёном хрустале.
И луна, в ночи моргая,
Словно треснувший фонарь,
Тихо шепчет: Так бывает,
Это осень тихо тает,
Это к вам идёт ноябрь.

Бесконечность

Надо делать, что-то делать, бесконечно что-то делать.
Только делать бесконечно бесконечно я устал.
Я рисую неумело бесконечным белым мелом
Человечную беспечность в золотом рассвете скал.

Я рисую нас с тобою по-над морем голубым,
Где космической тропой бесконечно мы летим.
Я алмазною фрезой нарезаю цепи гор,
И рисую бирюзою ускользящий простор.
И мозаичные фрески, где лазурные снега,
Кристаллические всплески, брызги, кляксы, арабески,
Косогоры, перелески и лиловые луга.

Ослепительная вечность не проходит без следа.
И мерцает быстротечность, уплывая в никуда.
Под небесные кимвалы открываются врата,
Сквозь фрактальные порталы уплывают три кита.
Мы летим в пустом пространстве, мы рисуем мир чудес,
Чтоб отринуть тьму тиранства, шарлатанства, окаянства
И поймать в непостоянстве свет, который не исчез.

Будем делать, что-то делать, бесконечно что-то делать,
Исправляя хаотичность начинаний и начал.

Даже если всё в округе насовсем окаменело,
Мы разбудим а капелла мир полей, морей и скал.

Бобин Гуд

Бобин Гуду оставался год,
Чтоб достичь берегов Земли.
Он прогрызал небеса, как гигантский солнечный крот
И уже видел землю вдали.
Белый кролик тянул его вниз,
Колобок — в чащи лесов.
Но в его парусах уже пел космический бриз
В исполнении гончих сов.

Он отбирал лайки у тех, у кого их не счесть,
Отдавая тем, у кого их нет.
Потому что лайки, у кого они есть,
Им заменяют свет.
А в округе звенел Ореховый дзен,
И женщина, что он любил, говорила ему: Я не та.
Но он был из тех, кто придёт насовсем,
Даже если вокруг пустота.

И когда медузы и рыбы поплыли у него за окном,
Он надел водолазный костюм и вышел за дверь.
Всё это, сказать по чести, казалось сном,
Но он шепнул себе: Верь!..
И он раздал лайки тем, кто горевал,

Тем, кто плакал в ночной тишине...

И пусть любой из наших миров бесконечно мал,
В каждом из них есть Бобин Гуд на золотом коне.

Вверх — до самых высот

На самый верх — до солнечных высот
Ползёт улитка по лиловой Фудзи.
А где-то переулками идёт
Угрюмый не улыбочивый якудза.
Он верит только в меч и пистолет,
Он с детства помнит сказку об улитке,
Но он уверен, что улитки нет,
Как не бывает девушек с открытки.
И он идёт, а сакура цветёт,
Ползёт улитка вверх по Фудзияме.
Что ей гора? Ей нужен небосвод.
Но это всё сугубо между нами.

Вокруг неё горит жемчужный свет,
Её антенны ловят шёпот выси.
Улитка знает, что якудзы нет,
Он просто ей нечаянно приснился.
А может быть, и всё вокруг — мираж,
И ничего нет призрачнее яви,
Но мы рисуем мир прекрасный наш
Таким, как Бог его Себе представил:
Улитка — это стиль укиё-э,
Якудза — чёрно-красными штрихами.

Они живут лишь в нашей голове,
Но это всё, конечно, между нами.

Улитка же срывается в полёт
И крыльями в шершавом ветре машет.
Она летит, смеётся и поёт.
И восхищён якудза пилотажем.
И он уходит с нею до высот,
Ступая сапогом в рассветном дыме,
И вот уже — и звёзды, и восход.
Но это всё останется меж ними.
Они на нас взирают с высоты,
А в небе тает осень золотая.
И времени незримые коты
Тихонько космос лапками толкают...

Девушка с веером

Ей приснился сегодня таинственный сон,
Ей привиделся сказочный лес.
Танцевал в тёмной чаще хрустальный дракон,
Проглотивший ключи от небес.
И поэтому девушка полем идёт
И катану сжимает в руках.
А за нею бежит терракотовый кот
В позолоченных рваных штанах.

Ей мечтается нынче дракона найти,
Ей магический веер к лицу.
Дух кицунэ поддержит её на пути
И не даст заблудиться в лесу.
На её кимоно — апельсиновый сад
В ослепительном солнце цветёт.
И улитки на осах на Фудзи летят,
Достигая алмазных высот.

И колышется ветром, звенит и поёт
Икебана в её волосах.
И идет вслед за нею три кошки и кот,
И нефритовый старый монах.
И бансаи окрест изумрудом горят,

И всё ближе темнеющий лес,
И выходит дракон из сияющих врат
В ореоле лучистых чудес.

Он плечами пожал и промолвил тотчас:
«Не бросайте в меня сюрикен.
Лучше дружной компанией пустимся в пляс
И споём под серебряный дзен.
Не глотал я ключей...» И в рассветном огне
Танцевал и смеялся народ.
Это всё мне во сне, пробежав по луне,
Рассказал терракотовый кот.

Двойная Звезда

Какое дело Двойной Звезде до следов Скорпиона,
Когда её манго учатся вставать на крыло?
Бригада китов строила мраморные колонны,
Кто-то вверх ногами шёл под землёй, нахмутив чело.
А Скорпион ехал в поезде, читал вчерашние сны.
У него был билет до полустанка весны.

Двойная Звезда не помнила его имя.
К чему ей ветер его имён?
Что-то давно произошло между ними,
Но теперь он стал безымянным иконописцем её икон.
А Скорпион ехал в поезде, и проводник сказал: Сдавайте
постель.

И, скомкав вчерашние сны, он вышел в апрель.

Она ждала его на перроне,
Кутаясь в золотые меха.
Он улыбнулся: Я думал, ты восседаешь на троне,
А ты, как беда — лиха.

Она улыбнулась в ответ, сказала: Смотри, как мои манго
летят.

А он взял её за руку — в её шипах, как и прежде, кипел
изумрудный яд.

Музыка моря

Это был день луны и ветра,
Каждый был чем-то занят.
Люди шли в четыре стороны света,
Несли печали и знания.
А мы стояли на перекрёстке,
Потому что куда ни уйди, вернёшься сюда.
И когда с неба начали падать звёзды,
Мы уплыли по ним на твоей ладье изо льда.

К вечеру ветер бросил луну и упал в травы.
Ты сорвала с неба цветок, мы вдыхали его аромат.
Возможно, те, кто ушли, были правы,
Но куда ни уйди, ты уходишь в ад.
Многие думают: рай — это ближе.
Что ж, это их дело — верить в то, что пишут в сети.
Но слышишь? Это — музыка моря. Слышишь?..
Мы уже там, где нас не найти.

А мы идём

Какой по нраву вам нуар, чтоб лунный свет легко
Проник в ажурный будуар, не растревожив тайны?..
Я брошу в звёздное стекло крупицу ар-деко,
Пролью по краю серебро готического лайма.
И вот рисунок мой готов, судите же меня!
В нём рёв воды и шёпот снов, и буря в парусах.
И рвётся сквозь бетонный мрак майолика огня.
А мы идём — тик-так, тик-так, мы — стрелки на часах.

Кентавры клеверных полей прядут лиловый дым,
И перелётный клетот птиц спешит вослед за летом.
В закат уходит пароход, и дирижабль — за ним,
И проступают из дождя два наших силуэта.
И вот рисунок на холсте, ругайте же меня.
В нём пена, пепел и песок, и мир в образах.
И отражения бегут по переулкам дня.
И тенью мы скользим в лучах на солнечных часах.

Мы — мера веры и времён, отсчёт идёт от нас,
И, что ушло, равно тому, что в будущем наступит.
Мы все — пастух и звездочёт — извечно и сейчас.
И пусть плывёт наш дирижабль и ведьма в чёрной ступе.
И вот картина предо мной, жду вашего суда.

В ней крем, велюр и кракелюр и души на весах.
В ней акварель и перламутр, и амальгама льда.
И мы фотонами летим в космических часах.

Разнотравный чай

Сегодня снова самый лучший день.
Мы живы, так порадуемся свету!
Когда живёшь в эпоху перемен,
Средь суеты не думаешь об этом.
И мы спешим, и время торопясь,
Опаздывает жить, но если честно,
Жизнь никогда не поторапливает нас.
Да, мы бежим, но это бег на месте.

И мой корабль уходит без тебя,
И без меня твой поезд канул в дали.
Судьба?.. Но я же сам себе судьба,
И нам неважно, что там черти накачали.
И ты заваришь разнотравный чай,
А я приду с лавандовым букетом.
Когда-то мы научимся прощать
Друг друга. Все миры простив при этом.

А девушка ждёт моряка

У нас во дворе светит лунный пейзаж,
У нас над горами драконы поют.
Стекают меды с переполненных чаш,
И всюду спокойствие, мир и уют.
Пасечник кормит цветами пчелу,
Повар с котом золотят облака,
Ведьма с собакой идут по селу,
Соседская девушка ждёт моряка.

А я шлю сигналы на твой телефон,
Но твой абонент чем-то занят, увы.
И я достаю старый аккордеон,
И мне подпевают все духи травы.
И ведьма танцует, и пасечник с ней.
Драконы, собака и пчёлы с котом.
И дни всё короче, а ночи длинней,
Так, значит, весна возвратится потом.

А моряк всё не едет, никак не идёт,
И девушка плачет, укрывшись крылом.
И её утешают колдунья и кот,
И якудза с улиткой, и дева с веслом,
И повар с собакой, драконы и я,

И три сына, и дочка, и ангел полка,
А время ползёт, нам препоны чиня,
А девушка плачет и ждёт моряка.

И якудза сжимает катану в руке,
И колдунья шепнула заклятье в сердцах.
Прямо звезды сошлись на одном моряке.
И драконы уже говорят о гонцах.
И старик созывает всех рыб золотых,
И зайцев спасает из сумрачных вод.
И зайцы уходят, и рыбы — бултых!
А моряк всё не едет, никак не идёт.

И тогда я рисую сто новых картин,
На которых моряк возвратился домой.
И вместе они доживут до седин,
Позабыв, что они нарисованы мной.
И все провожают меня на перрон,
И сами уходят по скрежету крыш.
А я шлю сигналы на твой телефон,
Но ты всё молчишь.

Лёд первой воды (2023—2025)

Тихо-тихо

Тихо-тихо тишина
Заполняет коридоры,
Мне бы спорить,
Да не спорит, молчаливая, она.
И тихонько во дворе
Распускаются тюльпаны.
Водят звёзды караваны
В занебесном серебре.

Тихо-тихо вдалеке —
Колокольные трезвоны.
Разлетаются драконы
На крылатом сквозняке.
И тихонько я иду,
Чтоб найти тебя во мраке.
Нет, не Улисс я в Итаке,
А Ахилл — ищу пяду.

Тихо-тихо ты сидишь
И глядишься в томный вечер.

Подкрадусь я — незамечен.
Уж не я ли — эта тишь?
И тихонько мы пойдём,
Улыбаясь, к дальним далям.
И, пожалуй, нас едва ли
Здесь найдут уже потом.

В календаре весны

Дриаду пугает ночной кентавр
Среди пустоты.
Когда-то он был, как цветущий лавр,
Теперь — как листья.
Он рисует что-то впотьмах,
И что-то под нос поёт.
На его рисунке крылья и взмах —
Это её полёт.

Алую краску берёт от огня,
Синюю — от воды.
Поёт: Рисую тебя и меня,
Вот я, а вот это — ты.
Твоё золото — солнечный свет,
Серебро от Луны.
На все вопросы найдешь ответ
В календаре весны.

А дриада таится между ветвей —
Кентавры страшат её.
Но он не забывает о ней
И верит: её найдёт.
И пусть рисунок его не готов,

И песенка — не ахти,
Он отыщет её средь своих листов,
А дальше им по пути.

Сквозь забытые двери

Дворник с гранитным лицом Низами
Молча сгребает линялые листья.
Метельщик хорош, даже незаменим.
И тут выхожу я с лицом монте-кристовым.
Спит мирозданье. С гештальтом пилатовым
Я прохожу сквозь забытые двери.
Ты, улыбаясь немного ахматово,
Встретишь меня — вся закутана в перья.

Ах, — ты промолвишь, — зачем же пришёл ты?
Я не ждала тебя, да и не стану.
Ночь расцветала безмолвием жёлтым,
Пенились в нашей душе океаны.
Ты улыбалась — теперь уж цветаево —
Сквозь одуванчиковые парашютики.
И от реала немножко оттаяла,
И прошептала: останься, прошу тебя.

Лунные духи парят над землёю,
Мы вышли из прежнего, стали иными.
Будем отныне мы самими собою,
И нашей беспечностью вечно хранимы.
А дворник похожий на тень Лао Цзы

Подметает Господние тропы в астрале.
И солнце по небу ведёт под уздцы,
Чтоб скорей увидали мы дали —
Рассветные дали.

Когда-то снова будет день

Луна как мрачное пятно
Сквозь тучи золотом звенела.
С тобой мы были заодно.
Но как-то врозь и между делом.
И ты сказала: О мой друг,
Люби меня душой и телом!
И тут же с птицами на юг,
Раскинув крылья, улетела.

Я крикнул было: От винта!
Но свет померк и сроки вышли.
И мир держали три кота.
И Шишел-Мышел.
И мы с ним сели кто куда,
И пили чай и самогонку.
И шли безмолвные года,
И я не мчал тебе вдогонку.

И вечность тлела за окном,
И шли волхвы по злой пустыне.
И шёл я в ближний гастроном,
Играя сны на клавесине.
Но знаю точно: выйдет час,

И ты вернёшься, свет почуя,
И в этот раз, ох, в этот раз
Тебя не отпущу я.

Путешествие из дома домой

Приведения роботов сопровождают наш путь,
Пэчворк твоего платья подключается к нейросетям.
Если удастся друг на друга взглянуть,
Мы откроемся нам.

Но как же это непросто — путешествие из дома домой
По осенней карте небесной зимы.
Глянь, кто-то идёт по воде за кормой.
Кажется, это мы.

Ночь... Листопад переходит в снега,
Мерцают порталы; закроем зеркала на замок.
Наш дом вдалеке, но мы уже видим его берега.
Приведения роботов шепчут, что там обитает Бог.

Христос Воскрес!

Христос Воскресе! В эту пору
Стекает с неба акварель
И утешенья ищут взоры,
И бродит с дудочкой апрель,
И воды рек несутся с шумом,
И так безгрешны наши думы,
И леший прячется в лесу
Под бирюзовую росу,
И в этот миг, когда не смеют
Поспорить с солнцем фонари,
Когда один лишь взгляд зари
Угрюмость сумрака развеет —
Тогда из солнечных порфир
Любовь спускается в наш мир!..

На скамейке

Зря сегодня на скамейке
Ждал тебя я до заката.
Дождик лил дырявой лейкой,
Дули ветры с листопадом.
Солнце жарило мне в спину,
Снег срывался — ну, откуда?
В общем, та ещё картина,
Но куда ж без веры в чудо?
Телефону не внимая,
Ты лелеяла беспечность.
Я сидел, и тьма немая
Превращала вечер в вечность.
Забирались в небо звезды
И луна ползла за ними,
Залетали птицы в гнёзда,
Стали дали тёмно-дымны.
И обратно бестолково
Я побрёл во тьме крошечной.
На скамейке завтра снова
Буду ждать тебя, конечно.

Однажды

Стоит бежать ли скорей парохода?
Море кончается за горизонтом —
Там где черту золотого восхода
Бивнями держат стада мастодонтов.
Ангелы бродят по тверди небесной,
Косят траву мастодонтам на ужин.
И пароходам становится тесно —
Будто бы море теснее, чем лужа.

И пароходы уходят за море —
Там предрассветная дева танцует,
Что, отражаясь в небесном фарфоре,
Видит, как аура солнца к лицу ей.
Ах, дорогая, я, право, бежал бы,
Чтоб устилать вам цветами дорогу.
Целых вселенных для вас мне не жалко,
Только бы вы улыбались не строго.

Эй, пароходы, дымите поменьше,
Я выхожу на просторы в каноэ.
В мире есть тихие мудрые вещи.
И да пребудет их мудрость со мною!
О золотая рассветная дева,

Полно вам плыть в горизонте событий!
Знаю: наскучат вам моря напевы
И вы однажды со мною сбежите.

Лёд первой воды

Пролетает Икарий,
Он сегодня лиловый и карий.
Он небом расшит,
Он куда-то спешит
И по небу кружит.
А Макарий
Влюблён в девушку в сари
(Он поёт ей отрывки из арий,
Бренчит на кифаре)
И ей дорожит.

Но сейчас он стоит у реки,
Считает дареным китам плавники,
Что плывут среди луж,
А пора б ему уж
Взяться за гуж.
Сбросить мирты и лавры,
Ударить в литавры,
Погонять минотавров.
Бородою встряхнуть,
Стариною тряхнуть
И куда-хоть-нибудь
Отправится в путь.

Минотавры возьмутся за вёсла,
Он встанет к рулю.
И пускай всё, что после,
Стремится к нулю.
Но как бы рак на горе не свистел — он ни рыба, ни мясо.
И минотавры с Макарием ловят миног,
Старым дедовским лассо,
Попивая кашасу.
Беги, осьминог!
Помоги тебе Бог!

А в небе всё так же Икарий,
Он сегодня в ударе.
А под килем лёд первой воды —
Не уйти от беды.
Их кораблик швыряет то в выси, то вниз.
Но смеётся Макарий: Беда по колено!
И на берег кричит он сквозь ветры и пену:
Не плачь, Макарена!.. Моя Макарена!
Я скоро вернусь, Макарена!
Ты только дождись!

Под саксофон

Машук сегодня похож на айсберг, выпиленный из халвы

Он серо-зелён.

На входе в Цветник танцует стайка прошлогодней листвы

Под саксофон.

Если пройти мимо всех галерей

И Грота Дианы,

Выйдешь к берегу древних морей —

В древние страны.

И сквозь толщу столетий там выйдут из нор

Аммониты и трилобиты.

А за ними открыт временной коридор,

Уводящий от быта.

Но мы не готовы

Сбросить оковы,

Мы закрываем порталы и двери.

Над Машуком одинокий лётчик карабкается по стратосфере.

В Антарктиду? В Азию? В Африку?

Всё может быть.

Помашем ему фонариком.

Спрячемся в быт...

Время выпустит нас из рук

Сегодня

Я раскладывал из своих дел пасьянс.

Я был свободен,

Как звон старых китайских ваз.

Я пошёл по бесконечной земле

И встретил тебя с глазами морских ветров.

И ты сказала, что из всех прежде виданных тобой королей,

Я один похож на Пьеро.

И я научился говорить твоё имя,

Оно так долго пряталось под камнями.

Оно улетало с дымом,

Но я сложил его, как оригами.

Оно воскресло у меня во рту

И я выпустил его на волю.

И ловлю вечность за пустоту,

Засыпая свой след золою и солью...

Если время подойдёт к концу,

Кто помешает нам стоять на краю беды?..

Если наступит день меняться твоему лицу,

Мечта всё равно будет с нами на ты.

И даже если небо встанет вокруг нас о семи хоботах и се-

ми головах,

Смех солнечных зайцев убережёт нашу тропу от выюг,
И уйдёт за край самый последний страх,
А время выпустит нас из рук.

Буду ждать тебя на реке

Этот год выдался непростым.

Ждали Великий Пост, а вот и его след простыл.

Шишел-Мышел прошуршал по крыше хвостом,

Ушёл к центру Земли, пишет пост за постом.

А Суок теперь бабушка, нянчит внучат,

Пустила телефон по волнам, не заходит в чат.

Хочется отправить ей с воздушным змеем письмо, да говорю себе «Стой»!

Поеду к Энику и Бэнику, хлебнём варениковый настой.

А год бежит по камням, бежит, как ручей.

Суок говорит, что я теперь ничей,

Что любовь — мираж и нет её в шалаше,

Но не зря же пыль дальних стран на старом ноже?

Не зря же мурлычет сказки учёный кот?

Не зря же Мазай и зайцы ломают лёд?

Они уже связали плот, вот он — лежит на песке.

Суок, дети быстро растут, жду тебя на реке.

Пройтись по февралю

Февраль-февраль — лихой гуляка:
То бури, то святая высь.
Но что за блажь — сидеть и плакать?..
Поставь чайку и улыбнись.
Достань черничного варенья,
Оставь чернила на потом.
Не оживёт в сухом катрене
Былое, схваченное льдом.

Да, не сулила нам гадалка
Благословенные миры,
И, право слово, слез не жалко,
Хотя, быть может, до поры,
И в час, когда бушует вьюга,
И снегом всё заметно,
Заметить сложно нам друг друга,
А потерять — не мудрено.

Но, что грядёт и что промчалось—
Рассвет и мгла, любовь и Бог, —
Всё это в нас спервоначала,
А им не уготован срок...
Текут чернила на бумагу,

Термометр тянется к нулю.

Какой же вздор — сидеть и плакать!

Пора пройтись по февралю.

Интервью Ульяне Новиковой

Доброе утро, друзья! Сегодня у меня в гостях Олег Паршев. Его стихи позволяют хотя бы ненадолго забыть осеннюю слякоть и улыбнуться. Мы немножко пообщались.

Что для вас творчество?

Творчество — это способ жить, способ оставаться собой, способ самопознания и познания мира, способ отображения мира. Оно всеобъемлюще, а потому охватывает не только всё явное, видимое, известное, но и всё скрытое и тайное. Оно позволяет понять природу вещей и явлений, прийти к пониманию сущности свободы и даёт эту свободу. А ещё оно даёт нам право надеяться на то, что мы всё-таки созданы по образу и подобию Творца.

Можно ли саму человеческую жизнь считать творчеством?

Конечно. Человечество всегда экспериментировало, что-то открывало и создавало. И в повседневной жизни мы постоянно создаём что-то новое, то, что до нас ещё никто не делал. Творит строитель, творит повар, учитель, все мы. И, скажем, для того, чтоб приготовить вкусное блюдо, нужно

быть творцом. Ну, а если мы, люди, перестанем творить себя, свою судьбу, творить счастье для близких и для всех, то и цивилизация наша зайдёт в тупик. Что, впрочем, в мировой истории уже бывало. При этом искусство обязано рождать в человеке эмоции, иначе оно и не искусство вовсе (а автор не творец), но в погоне за эмоциональным воздействием художник не должен забывать о том, что искусство не должно быть глупым или отталкивающим.

Не стоит путать творчество (и искусство в целом) с эпатажем. Шут, кривляющийся на потеху публике либо для удовлетворения собственных амбиций, на звание творца претендовать не может. Поскольку эмоции непременно должны быть, просто обязаны (!) быть светлыми, даже если они и печальны. А если это «как бы искусство» кого-либо оскорбляет, то это подделка, в лучшем случае неумелая карикатура на настоящее искусство и подлинное творчество.

Что вас увлекало в детстве? Что особенно радовало? Радует ли это сейчас?

В детстве я был увлечён приключенческими романами. Началось всё с книг В. К. Арсеньева и «Робинзона Крузо» Д. Дефо. Потом наступила очередь Жюль Верна и Майн Рида, откровенно сказать, я был просто влюблён в их творчество. Затем, конечно, появились Стивенсон, Марк Твен, Конан Дойль, Вальтер Скотт, Сабатини, Буссенар, многие,

очень многие, перечислять можно долго. А потом (в девятом классе) для меня наступила эпоха Эдгара По. Ну, а дальше детство и юность закончились и на моей книжной полке появились другие авторы. Радует ли меня сейчас приключенческая литература? Да, пожалуй. И, например, «Затерянный мир» я перечитал пару лет назад.

Какие мастера, авторы, композиторы интересны вам? Есть ли такие, которые повлияли на ваше творчество?

Что касемо литературы, той литературы, которую я читал в более зрелом возрасте, то здесь можно долго перечислять писателей, которые мне интересны. И всё это писатели совершенно разноплановые. Лермонтов, Блок, Стругацкие, Л. Кэрролл, С. Лем, Маяковский, Булгаков, Чехов, Рабле...

Если говорить о музыке, то с удовольствием слушаю Битлз, АББА, Кино, Назарет, Сюзи Кватро, Вертинского, иногда попадаются современные инди-команды, которые вдруг оказываются очень интересными. А если говорить о вечной классике, то могу даже привести список композиций, которые, на мой взгляд (конечно, очень субъективный взгляд), поистине гениальны.

Э. Григ — Серенада Сольвейг из оперы «Пер Гюнт»;

Ф. Шуберт — Вечерняя серенада;

А. Бородин — Песнь половецких невольниц из оперы «Князь Игорь»;

С. Рахманинов — 18 вариация из рапсодии на тему Паганини;

М. Равель — Болеро;

Иоганн Себастьян Бах — Токката и фуга ре минор, BWV 565;

Л. ван Бетховет — К Элизе;

В. А Моцарт — Маленькая ночная серенада («Allegro»);

В. А Моцарт — Фантазия KV 397;

В. А Моцарт — Лакримоза.

И не могу не сказать о живописи. Ещё в школьные годы мне были интересны «Мирискусники», Гойя, Боттичелли, чуть позже нашёл для себя Пикассо и Дали, Врубеля, импрессионистов. Здесь тоже можно говорить долго. Каждый из художников интересен и самобытен, каждый — целый мир. И совершенно неважно, в какой манере пишет мастер, стиль — это лишь инструмент в руках творца. Великолепны гравюры Г. Доре, великолепны картины в традиционной японской технике укиё-э, великолепен Леонардо да Винчи с его сфумато, прекрасен золотой микрокубизм Климта, прекрасны женщины

Модильяни, горы и древняя Русь Рериха. И это — только первое, что пришло в голову, перечислять можно бесконечно.

Бесспорно, и книги, и музыка, и изобразительное искусство, всё это оказывает влияние на творчество. Все мы стоим на плечах великих. Без них — без предшественников, на-

чиная с безвестных пещерных рисовальщиков и сказителей — не было бы современного искусства, не было бы нас. Но вдохновляют нас не только предтечи. Все те, кто творит сейчас, непроизвольно черпают идеи друг у друга и их развивают. Делается это без умысла, просто иногда оказывается так, что какое-то слово или фраза падает на благодатную, уже подготовленную, ждущую землю. И рождается что-то новое.

Что вас вдохновляет?

Вдохновляет, бесспорно, любовь. Без неё искусство невозможно.

Что бы вы пожелали читателям?

Во-первых, здоровья. Во-вторых, мира. Ну, и учитывая то, что читатели — люди, как правило, люди литературой интересующиеся, более того, зачастую пишущие, творящие сами, пожелаю им творчества. И, следовательно, любви!

С бабочкой и копьём (2025)

С бабочкой и копьём

Старый мудрец Тик Так,
Что вечно ходил с бабочкой и копьём,
Никак

Не мог решить, начинать ли дорогу в 1000 ри, когда уходишь в закат,

Или лучше, стоя по пояс в опавших листьях, биться о небо лбом?..

А женщина, что везде ходила с улиткой наперевес,
Пускала по реке облака.

У неё был ключ от мира небес,
Сотканный из пустяка.

И когда ржавые пузыри солнца
Поднимались над влажной землёй,
Мудрец сказал ей, что здесь звезда со звездой сойдётся
И дорога ляжет пред ними жемчужной змеей.

И они вышли туда, где ещё никто не бывал,
И 1000 ри ждали их за каждым углом,
И рассвет, что стал пронзительно-ал,

Освещал их дом.

Листопад

Когда уймётся листопад
И выйду я за дверь —
Туда, где бродит сущий ад
И воет лес, как зверь,
Тогда — ворчливый и седой —
Пересеку я сад.
И Дева Ночь пойдёт со мной
В далёкий звёздный град.
И выйдем мы на берега
Таинственных путей,
Где испокон лежат снега
И где не ждут вестей.
И оседлав летучий гром,
Пронзив портал мечты,
Мы обретём извечный дом,
В котором я и ты.
И будет свет, и будет мрак,
И счастье, и беда.
И будет так, да будет так
В незримые года —
Когда неспешно, налегке
Уйдём во всё, что впредь...
Когда, мой друг, рука к руке,

Твоя рука в моей руке —
Не страшно умереть.

Солнце на воде

Чернеет кофе поутру,
Как капля дёгтя в бочке мёда.
Черты случайные сотру
И сдую тучки с небосвода.
И ты доверишь мне свой сон,
И, обменявшись поцелуем,
Мы выйдем через звёздный звон
В наш путь, что так непредсказуем.

И в том краю, где мы нигде,
Мы заживём в безбрежном где-то.
И будет солнце на воде
Нам рисовать улыбки лета.
Там сколь не глянь — весь мир окрест
Кипит: он жив и обитаем.
И манит всполохом чудес.
И новой тайной.

Дождливое танго

Из дома прочь! Мне нужно торопиться!
Спешу, бегу... не ведая куда.
Мелькают обесточенные лица,
Летит трамвай, держась за провода.
Ты где-то здесь. И это слово греет.
Но все слова растворены в дожде.
И с каждым часом клятый дождь мокрее,
И сам я — только блики на воде.

Куплю цветов у солнечной ундины,
А весь её наряд — рыбачья сеть.
И серенаду солнечной долины
Тебе в окошко я решусь напеть.
И выйдешь ты — звенящая капелью,
Вся — словно пламя, как цветущий юг.
И скажешь, что слова мои согрели
Тебя, но наши чувства обмелели...
Прощай, мой друг, прощай, мой милый друг.

Всё остальное — дым

Каждый был капелькой истины в холодном вине.
И каждый был клят, но не смят.
Мы с бурлаками на Волге купали красных коней,
Зашивали Чёрный квадрат.
А из края в край, улыбаясь, бродил савояр,
И сурок его пел о любви.
И все улыбались — и мал, и стар.
И говорили с сурком на вы.

А затем накрывал нас девятый вал,
Но прилетали весной грачи.
И все мы — и стар и мал —
Грелись у одной печи.
Нам хотелось мечтать и жить,
Чтобы стать просто людьми,
Чтоб купать коней и квадрат зашить,
И чтоб были мы — просто мы.

И до самого солнца мы строили дом —
Фундамент на мираже.
Нам казалось: славно мы заживём —
Каждый на своём этаже.
Но здесь из странствий вернулся сурок,

И савояр — за ним,
И напели о том, что любовь — это Бог,
Всё остальное — дым.

И мы зашивали Чёрный Квадрат,
И купали красных коней.
А через Квадрат до райских врат —
Всего пару дней.
И о любви, улыбаясь, пел савояр,
И сурок подпевал.
И вторили им и мал и стар,
И вторили стар и мал.

Это уходит, но никогда не пройдёт

Что я могу написать о войне,

Если дед молчал?

Он просто говорил: Нет.

А бабушка шептала: Пусть горит об ушедших свеча...

Дед молчал о том, что это были только пот и кровь,

Кровь и пот.

И теперь не исчислить снов,

Это уходит, но не пройдёт.

Он молчал, но я слышал: Я видел десять тысяч смертей,

Думаешь, мы хотим говорить о них?

Мы шли там, где никто не видел путей,

Нас били под дых.

Мы подвозили ракеты Катюшам,

Мы фрица подымали на штык.

И мы шли вперёд по воде и по суше,

Наше дело правое — так нам когда-то сказал комбриг.

В те дни под Сталинградом мой дядька хирург

Отпилил десять тысяч ног и рук, чтоб не было загноения

и гангрены.

Он отпилил ножовкой тысячи ног и рук,

Но и без коленей они поднялись с колен.

А дед иногда вспоминал что-то со смехом,
Но так было всего пару раз.
А от его слов пробирала дрожь и в небе гремело эхо:
Просто мы хотели спасти всех вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.